

УДК 130.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-81-86

Марат Николаевич Чистанов,*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова**(г. Абакан, Россия),**e-mail: maratchistanov@gmail.com*

Формирование региональных элит и проблемы сохранения культурной идентичности регионов Сибири и российского Дальнего Востока

Традиционно региональная идентичность связывается с определённым типом самосознания населения территории. Важнейшую роль в процессе возникновения региональной идентичности играет интеллигенция, именно в её сознании происходит формирование образа региона, его целостное осмысление, популяризация и распространение этого образа среди остального населения региона, а также за его пределами. Представленная статья опирается на популярную в современной социальной науке методологию постколониализма. В качестве основной гипотезы исследования принимается тезис о том, что колониальный характер освоения Сибири и Дальнего Востока приводит к формированию специфического типа региональной интеллигенции, характеризующейся выраженной тенденцией к разрыву с местной культурой и ускоренной сменой демографической базы. В процессе глобализации географическая удалённость Сибири и Дальнего Востока перестаёт быть фактором, сдерживающим миграцию. В результате сами носители региональной идентичности оказываются заложниками колониальной политики освоения восточных территорий России, поскольку уже во втором-третьем поколении стремятся покинуть регион своего проживания, свою историческую родину. Это приводит к значительной трансформации культурной идентичности регионов Сибири и Дальнего Востока и может рассматриваться как потенциальная угроза российской государственности.

Ключевые слова: региональная идентичность, интеллигенция, «промывная» миграция, образовательная миграция, Сибирь, Дальний Восток

Marat N. Chistanov,*N. F. Katanov Khakass State University**(Abakan, Russia),**e-mail: maratchistanov@gmail.com*

Formation of Regional Elite and Problem of Maintaining Cultural Identity of Siberian Regions and the Russian Far East

Regional identity is usually considered as a certain type of consciousness of the population of the territory. The intelligentsia plays an important role in this process. They form an image of the region, popularize and extend this image among other population of the region and outside the region. The research presented relies on post-colonialism methodology, popular in modern social science. We suggest the hypothesis of a research: the colonial nature of development of Siberia and the Far East leads to formation of specific type of the regional intellectuals, which are characterized by the expressed tendency to a gap with the local culture and the accelerated change of demographic base. In the course of globalization, the geographical remoteness of Siberia and the Far East stops being the factor constraining migration. As a result, carriers of regional identity are hostages of colonial policy and in the second or third generation they seek to leave the historical homeland. It leads to considerable transformation of cultural identity of Siberian and the Far East regions and can be considered as potential threat of the Russian statehood.

Keywords: regional identity, intellectuals, migration, educational migration, Siberia, Far East

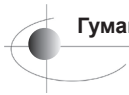
Введение. Замысел данной статьи возник у автора после неожиданного открытия: в его ближайшем окружении практически отсутствуют люди, которые являются интеллигентами (и даже более того – городскими жителями) больше, чем в третьем или четвёртом (если считать детей) поколении. Мало того, у тех, кого можно считать сибирскими интеллигентами в третьем поколении, взрослые дети чаще всего живут и работают в европейской

части России (или за рубежом) и возвращаться уже не планируют.

Обсуждение с коллегами и экспертами из сферы науки, образования и культуры привело автора ещё к одному наблюдению: до половины специалистов из этих сфер не являются уроженцами региона проживания. И если в советское время это можно было объяснить принудительной системой распределения специалистов, то идентичная ситуация

© Чистанов М. Н., 2019

для людей с высшим образованием младше 35 лет, которые явно выбирали места работы самостоятельно, не позволяет нам этого сделать.

Как преподаватель регионального университета автор хорошо знаком с ситуацией, когда существует хроническая нехватка абитуриентов в условиях роста количества выпускников средних школ. Более того, региональные вузы фактически смирились с ситуацией, что лучшие выпускники республиканских и областных школ изначально не ориентированы на поступление в местные учебные заведения и поэтому учёбу дома рассматривают как личную катастрофу: признание полной несостоятельности и крушение всех жизненных планов. В этих условиях растёт доля абитуриентов из сельских районов, как самого субъекта, так и соседних регионов, для которых маленькая региональная столица станет впоследствии домом, местом карьерного роста и важным элементом самоидентификации, сферой формирования патриотических и ностальгических переживаний. Именно эти люди придут в школьные классы, чиновничьи кабинеты, культурные учреждения и больницы и составят в будущем региональную элиту.

Методология и методы исследования.

Исследование базируется на методологии постколониальных исследований, сформированной в работах Эдварда Саида [11], Дипеша Чакрабарти [16], Гаятри Спивак и других исследователей. В качестве основной гипотезы принимается тезис о том, что колониальный характер освоения Сибири и Дальнего Востока приводит к формированию специфического типа региональной интеллигенции, характеризующейся выраженной тенденцией к разрыву с местной культурой и ускоренной сменой демографической базы. Это влечёт за собой значительную трансформацию культурной идентичности регионов Сибири и Дальнего Востока и может рассматриваться как потенциальная угроза российской государственности.

Результаты исследования и их обсуждение. Традиционно региональная идентичность связывается с определённым типом самосознания наиболее активной части населения региона. В большинстве случаев речь идёт о самой образованной и граждански активной социальной группе – интеллигенции. Применительно к национальным регионам это может быть национальная интеллигенция [3; 7; 13], для остальных регионов Сибири и Дальнего Востока – образованная прослой-

ка населения в целом [17]. В любом случае, именно в сознании интеллигенции происходит формирование образа региона, его целостное осмысление, популяризация и распространение этого образа среди остального населения региона и за его пределами.

Особенностью формирования интеллигенции Сибири и Дальнего Востока становится колониальный или полуколониальный характер этого процесса. Первыми сибирскими интеллигентами становятся представители колониальной администрации, ссыльные дворяне и разночинцы, представители национальных элит. Общим для всех этих весьма разнородных элементов было то, что образование они получают за пределами регионов своего проживания, и поэтому сибирская и дальневосточная идентичность изначально формируется как вторичная, производная от некоторой идеальной. В этом случае уместным будет замечание о том, что и российская идентичность при этом может рассматриваться как производная от идентичности европейской, в частности германской, откуда собственно и была позаимствована образовательная модель университета и вообще система образования в целом.

Ничего удивительного, что заимствованный там же концепт культурной идентичности оказался построенным на идее органической целостности, традиционной для немецкой классической философии, замешанной на лозунгах национального единства и политической независимости, весьма актуальных для германской мысли XVIII–XIX веков. В современных исследованиях данный подход принято именовать «методологическим национализмом»: «Методологический национализм ведёт к вполне определённой идеологической ориентации, когда к исследованию социальных и исторических процессов подходят так, как если бы они целиком происходили в границах отдельных наций-государств, члены которых разделяют общую историю, набор ценностей, норм, социальных традиций и институтов» [14, с. 57]. В российских условиях эта идея приводит к появлению славянофильского движения, в Сибири – к возникновению сибирского областничества (Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, С. С. Шашков, Ф. Н. Усов и др.), а в регионах Сибири и Дальнего Востока со значительной долей коренного населения – движений, стремящихся к различным формам национально-культурной автономии (Д. Сампилон и Н. Дылыков – в Бурятии [12], С. Д. Майнагашев – в Хакасии [5; 8], Г. И. Чорос-Гуркин – на Алтае [3; 9] и т. д.).

Понятно, что возможный сепаратизм в рассуждениях региональных элит не вызывал и не вызывает восторга ни у царского правительства, ни у пришедших ему на смену советских и постсоветских властей. Судьба первых сибирских интеллигентов сложилась в большинстве своём печально: были осуждены и сосланы областники, расстреляны Даши Сампилон, Степан Майнагашев, Григорий Гуркин, навсегда покинул родину Намдак Дылыков. Впрочем, определённых успехов им всё-таки удалось добиться: сибирские регионы уходят от чисто административного деления на губернии и переходят к территориальной структуре (области и национальные автономии), в рамках которой культурная идентичность формируется более успешно. По мнению Н. Я. Артамоновой, спецификой сибирской национальной интеллигенции становится преобладание педагогов: «Здесь, как и в других национальных районах страны, интеллигенция формировалась в первую очередь посредством выдвижения, а также использования в социалистическом строительстве “старой” интеллигенции, преимущественно учителей, поскольку они составляли самый многочисленный отряд работников умственного труда» [3, с. 64].

Особенностью самого процесса формирования интеллигенции Сибири и Дальнего Востока становится её непрерывная динамика. Сибирский интеллигент – это чаще всего городской житель во втором, максимум третьем поколении. Достаточно показательной в этом контексте является история хакасской интеллигенции. Вплоть до 50–60-х годов XX века основу интеллигенции Хакасской автономной области составляли образованные представители хакасского народа, причём по преимуществу принадлежащие к качинской племенной группе, жившей на севере современной Хакасии и на территории вплоть до современного Красноярска. Объясняется это тем, что качинцы раньше всех столкнулись с русскими переселенцами, активно перенимали их культуру и образ жизни, раньше других хакасов приняли христианство. Кроме того, проживая в степной зоне, они активно занимались скотоводством (в отличие от жителей южной подтаёжной зоны, где больше промышляли охотой), торговали скотом и были наиболее зажиточной частью хакасского народа. Не удивительно, что именно качинский диалект послужил основой литературного хакасского языка, а первые хакасские писатели, художники, государственные деятели

почти сплошь являлись представителями качинской этнографической группы [3].

Переселившись в города, представители хакасской интеллигенции оказались в двойственном положении: с одной стороны, они активно участвовали в создании региональной системы образования, науки, искусства и иных социальных сфер, что с неизбежностью привело к появлению национального и регионального самосознания [15; 18]. С другой, утратив связь со средой традиционного проживания, они постепенно отдалились от породившего их народа, становятся в глазах сельского населения частью колониальной системы, компрадорской элитой. Данное явление оказалось неизбежной платой за включённость в процессы глобализации. «Глобализация оказывает влияние и на национальные культуры. С одной стороны, она обогащает эти культуры новыми формами, резко увеличивает скорость и плотность информационно-культурных потоков, предоставляет различным культурам возможность преодолеть односторонность, вписаться в общемировое культурное развитие. С другой стороны, несёт в себе отчётливо выраженные негативные моменты: вытесняет из культуры национальные элементы, лишает её национального разнообразия, нивелирует культуру этих народов, снижает статус и сокращает ареал распространения народной и элитарной культуры при одновременном чрезмерном расширении социального пространства, в котором господствует массовая культура, не имеющая ярко выраженной национальной-культурной принадлежности» [10, с. 8].

Отметим, что полуколониальный статус Сибири и Дальнего Востока как нельзя лучше способствует такого рода процессам, потому что формирование региональных элит здесь вообще характеризуется своеобразной «промывной» динамикой. На деле это обозначает следующее: уже во втором-третьем поколении в семьях региональной интеллигенции возникает тенденция к оставлению малой родины и переезду в более крупные индустриальные и культурные административные единицы. Из сёл переезжают в районные центры, из райцентров – в область, из областных центров – в центры макрорегионов и столицу. Очень часто такой путь оправдывается объективной необходимостью: очевидно, что ребёнок с выдающимися способностями (а таких в семьях новой интеллигенции всегда много) просто вынужден поступать в какой-то приличный вуз, а потом он не может вернуться домой потому, что ему негде там работать.

Поэтому дети сибирской и дальневосточной элиты в массе своей оседают в обеих столицах, в худшем случае – в Новосибирске, Красноярске, Хабаровске и Владивостоке, а в более скромных региональных центрах возникает хронический недостаток квалифицированных специалистов.

Очевидно, что образовавшийся недостаток должен быть кем-то заполнен, поэтому места, освобождаемые в силу естественных причин первым поколением интеллигенции, занимают не их прямые наследники, а люди, пусть менее амбициозные, но зато гораздо более привязанные к территории проживания. В рассматриваемом нами случае качинская интеллигенция в Хакасии постепенно уступила своё место выходцам с юга территории: сагайцам и бельтырам. Данный процесс, начавшись в 40–50-е годы XX века был закончен уже к 80–90-м годам. Во многом это связано с формированием местной системы общего и профессионального образования, благодаря которой даже дети из малообеспеченных семей смогли получить высшее образование вблизи от дома.

Проблема в том, что вторая волна национальной интеллигенции попадает в ту же самую ловушку, что и первая: повышение качества образования и уровня жизни неизбежно приводит к тому, что дети этой второй волны хакасской интеллигенции начинают активно покидать территорию республики. Парадоксальным образом место национальной интеллигенции, начиная с конца 80-х годов прошлого века, активно занимают выходцы из южных районов Красноярского края, для которых Хакасия географически гораздо ближе, нежели центральные районы своего административного региона, а в последние годы – уроженцы Республики Тыва. Поэтому в современных условиях в Республике Хака-

сия национальная интеллигенция – понятие весьма условное, так как этническая принадлежность в этой среде становится размытым понятием, зачастую хакасское искусство, культуру и науку представляют люди, хакасами по крови не являющиеся, но ассоциирующие себя с данной территорией, культурой и историей [1; 2; 4].

Впрочем, проявившаяся в последние годы тенденция к замещению позиций региональной интеллигенции выходцами из ближнего зарубежья говорит о том, что местный, сибирский и дальневосточный потенциал к воспроизводству региональной элиты, то есть интеллектуального и креативного слоя населения, оказывается близок к критической отметке [6; 10]. Учитывая то, что интеллигенция традиционно считается носителем самосознания народа и территории, его региональной идентичности, любые изменения в составе и структуре этой прослойки неизбежно приводят к значительным последствиям в социокультурной и духовной сферах.

Заключение. Особенностью процесса формирования региональных элит Сибири и Дальнего Востока долгое время являлся его колониальный характер. Появление национальной интеллигенции в регионах со значительным числом коренных жителей и движения областников в других сибирских и дальневосточных регионах приводит к формированию специфической региональной идентичности сибирских и дальневосточных территорий. Тем не менее, сами носители региональной идентичности оказываются заложниками колониальной политики, поскольку уже во втором-третьем поколении стремятся покинуть свою историческую родину. Это приводит к необратимым последствиям для социального и культурного развития Сибири и Дальнего Востока.

Список литературы

1. Аксютин Ю. М. Влияние трансформации структуры идентичностей жителей регионов постсоветской России на характер межэтнических отношений (на примере Тувы, Хакасии, Алтая) // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 162–174.
2. Анжиганова Л. В., Топоева М. В. Хакасы в условиях глобализации: ментальные деформации // Новые исследования Тувы. 2017. № 3. С. 100–111. DOI: 10.25178/nit.2017.3.6.
3. Артамонова Н. Я. Особенности формирования национальной интеллигенции народов Саяно-Алтая // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 7. С. 63–67.
4. Артамонова Н. Я. Хакасские учёные о роли национальной интеллигенции в этнополитических процессах Республики Хакасия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 3 ч. Ч. 3. 2016. № 12. С. 24–27.
5. Гладышевский А. Н., Майнагашев С. Д. 1886–1920. Очерк жизни и деятельности. Абакан: Хакас. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 1999. 70 с.
6. Крестьянова Л. С. Межэтнические отношения и миграционные процессы на региональном уровне: проблемы и основные тенденции развития // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 3. С. 815–825. DOI: 10.17059/2016-3-17.

7. Кудашкин В. А., Иванченко Е. В. Роль национальной интеллигенции в сохранении этнической идентичности коренных малочисленных народов Севера и Сибири (1985–2011 гг.) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 1. С. 109–113.
8. Мамышева Е. П. Общественно-политическая деятельность С. Д. Майнагашева // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития. Абакан: Хакас. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 1998. С. 126–131.
9. Михайлов Д. А. Идеологема возрождения и конструирование алтайских национализмов // Антропологический форум. 2016. № 31. С. 63–85.
10. Осинский И. И., Добрынина М. И. Интеллигенция и культура народов Сибири в условиях глобализации: некоторые проблемы развития // Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы: материалы Всерос. с междунар. участием науч. конф. Иркутск: Аспринт, 2017. С. 4–11.
11. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2016. 671 с.
12. Сушко А. В. К вопросу о роли бурят-монгольского национализма в панмонгольском движении // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2008. № 2. С. 73–79.
13. Тензин Ч. М.-Х. Тувинская национальная интеллигенция в условиях трансформации российского общества // Новые исследования Тувы. 2015. № 2. С. 69–91.
14. Хамидулин В. С. Теоретические подходы к исследованию проблем инкорпорации иммигрантов в принимающее сообщество // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 1. С. 49–60.
15. Anzhiganova L., Asochakova V., Topoeva M. Ethno-confessional neotraditionalism in a globalized world: Search for basis of identification // Revista de Humanidades. 2017. Vol. 30. Pp. 141–151. DOI: 10.5944/rdh.30.2017.18206.
16. Chakrabarty D. Provincializing Europe: postcolonial thought and historical difference. Princeton: Princeton University Press, 2000. 300 p.
17. Safronov S. Russian population ethnic structure: trends and transformations // Baltic region. 2015. No. 3. Pp. 106–120. DOI: 10.5922/2079-8555-2015-3-9.
18. Yang X-I, Liu L, Shi Y-y, Li Y-s, Tan X, Hu Xm, et al. The Relationship between Cultural Anxiety and Ethnic Essentialism: The Mediating Role of an Endorsement of Multicultural Ideology // PLoS ONE. 2015. Vol. 11, No. 10. DOI: 10.1371/journal.pone.0141875.

Статья поступила в редакцию 25.04.2019; принята к публикации 17.05.2019

Сведения об авторе

Чистанов Марат Николаевич, доктор философских наук, доцент, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова; 655017, Россия, г. Абакан, ул. Ленина, 90; e-mail: maratchistanov@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9002-5604.

Библиографическое описание статьи

Чистанов М. Н. Формирование региональных элит и проблемы сохранения культурной идентичности регионов Сибири и российского Дальнего Востока // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 4. С. 81–86. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-81-86.

Rerences

1. Aksyutin, Yu. M. Transformation of personal identity structure in the regions of post-Soviet Russia and its impact on interethnic relations: the cases of the republics of Tuva, Khakassia and Altai. The New research of Tuva, pp. 162–174, no. 2, 2016. (In Rus.)
2. Anzhiganova, L. V., Topoeva, M. V. Khakasses under the conditions of globalization: mental deformations. The New Research of Tuva, pp. 100–111, no. 3, 2017. DOI:10.25178/nit.2017.3.6 (In Rus.)
3. Artamonova, N. Ya. The peculiarities of formation of national intelligentsia of Sayan-Altay peoples. The Buryat State University Bulletin, pp. 63–67, no. 7, 2011. (In Rus.)
4. Artamonova, N. Ya. Khakass scholars about the role of national intelligentsia in ethno-political processes of the Republic of Khakassia. Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice, pp. 24–27, vol. 74, no. 12, part 3, 2016. (In Rus.)
5. Gladyshevsky, A. N., Maynagashev, S. D. 1886–1920. Essay on life and work. Abakan: Khakas. gos. un-t im. N. F. Katanova, 1999. (In Rus.)
6. Krestyanova, L. S. The interethnic relations and migration processes at the regional level: problems and main tendencies of development. Ekonomika regiona, pp. 815–825, no. 3, 2016. DOI: 10.17059/2016–3-17. (In Rus.)
7. Kudashkin, V. A., Ivanchenko, E. V. Role of national intelligentsia in preserving the ethnic identity among small indigenous peoples of the Russian North and Siberia in 1985–2011. Issues of Social – Economic Development of Siberia, pp. 109–113, no. 1, 2016. (In Rus.)

8. Mamysheva, E. P. Social and political activities of S. D. Maynagashev. Russia and Khakassia: 290 years of joint development. Abakan: KhakaS. gos. un-t im. N. F. Katanova, 1998: 126–131. (In Rus.)
9. Mikhaylov, D. A. The Ideologeme of Revival and the Construction of Altai Nationalism. Forum for Anthropology and Culture, pp. 63–85, no. 31, 2016. (In Rus.)
10. Osinsky, I. I., Dobrynina, M. I. The intelligentsia and culture of Siberian peoples in the context of globalization: some developmental problems. Social processes in modern Russian society: problems and prospects. Proceedings of the International Scientific and Practical with international participation Conference. Irkutsk: Asprint, 2017: 4–11. (In Rus.)
11. Said, Ed. W. Orientalism. Saint Petersburg: Russian world, 2016. (In Rus.)
12. Sushko, A. V. About the role of Buryat-Mongolian nationalism in Pan-Mongolian movement. Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, pp. 73–79, no. 2, 2008. (In Rus.)
13. Tenzin, Ch. M.-H. Tuvan national intelligentsia amidst the transformation of Russian society. The New Research of Tuva, pp. 69–91, no. 2, 2015. (In Rus.)
14. Khamidulin, V. S. Theoretical perspectives in immigrant incorporation research. Humanities Research in the Russian Far East, pp. 49–60, no 1, 2016. (In Rus.)
15. Anzhiganova, L., Asochakova, V., Topoeva, M. Ethno-confessional neotraditionalism in a globalized world: Search for basis of identification. Revista de Humanidades, pp. 141–151, vol. 30, 2017. DOI: 10.5944/rdh.30.2017.18206. (In Engl.)
16. Chakrabarty, D. Provincializing Europe: postcolonial thought and historical difference. Princeton University Press, 2000. (In Engl.)
17. Safronov, S. Russian population ethnic structure: trends and transformations. Baltic region, pp. 106–120, no. 3, 2015. DOI:10.5922/2079-8555-2015-3-9. (In Engl.)
18. Yang X-l, Liu L, Shi Y-y, Li Y-s, Tan X, Hu Xm, et al. The Relationship between Cultural Anxiety and Ethnic Essentialism: The Mediating Role of an Endorsement of Multicultural Ideology. PLoS ONE, e0141875, no. 10, vol. 11, 2015. DOI: 10.1371/journal.pone.0141875. (In Engl.)

Received: April 25, 2019; accepted for publication May 17, 2019

Information about author

Chistanov, Marat N., Doctor of Philosophy, Associate Professor, N. F. Katanov Khakass State University; 90 Lenin st., Abakan, 655017, Russia; e-mail: maratchistanov@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9002-5604.

Reference to the article

Chistanov M. N. Formation of Regional Elite and Problem of Maintaining Cultural Identity of Siberian Regions and the Russian Far East // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 4. PP. 81–86. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-81-86.